МАРИНА СЕРОВА
ДЕВОЧКИ С БОЛЬШОЙ ДОРОГИ
Литрес

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Девочки с большой дороги

«Научная книга»
2005

Серова М. С.

Девочки с большой дороги / М. С. Серова — «Научная книга», 2005 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

Телохранитель Евгения Охотникова выполняет почетный заказ – охраняет известного разработчика атомного оружия Анатолия Степановича Зубченко, на жизнь которого уже не раз покушались. Что ж, работа привычная и для такой умницы, как Женя, временами скучноватая. Однако все меняется, когда неизвестные злоумышленники похищают единственного сына клиента – Егора, потребовав за него заоблачную сумму. Досталось и жене подопечного: злодеи плеснули в лицо несчастной женщине серной кислотой. Охотниковой ничего не остается, как взять на себя функции частного детектива. Расследуя пропажу юноши, Жене приходится ворошить дела давно минувших дней, невольно бросающих тень не только на его отца-ученого, но и на весь славный род Зубченко. Оказывается, немало людей желает поквитаться с почтенным академиком и его семьей…

© Серова М. С., 2005
© Научная книга, 2005

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 15
Глава 3 26
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Марина Серова
Девочки с большой дороги

Глава 1

Я сидела в аллейке на серой, потрескавшейся скамейке без спинки, с интересом глазея на светлое, усеянное мигающими точками-звездочками небо и круглый, затуманенный облаками диск красавицы-луны. Настроение почему-то было философским, хотелось размышлять о жизни, пересматривать прошлое, планировать будущее. Такое со мной случается достаточно редко…

«Интересно, за всю историю человечества кто-нибудь на самом деле хоть раз видел бога?» Не знаю, с чего вдруг у меня возник этот вопрос, возможно, навеянный таинственным, непонятным и немного пугающим своей бездонностью небом.

Где-то вдалеке замаячило несколько неясных фигур. Устав изучать небесные светила, я переключилась на этих случайно забредших в парк людей, пытаясь по их внешнему облику сделать вывод о том, что же они собой представляют. Ведь внешность и даже походка говорят о человеке очень многое. Внимательно приглядевшись, я поняла, что первой идет женщина. Кто следовал за ней, было пока видно плохо. Причем дамочка то и дело ускоряла шаг, видимо, боясь нападения, а может, просто куда-то очень спешила.

Еще бы, разгуливать в такую пору, да еще в наше неспокойное время! Ладно уж я – всегда могла за себя постоять и дать фору любому хулигану в округе. И потом, мне так редко удается подышать свежим прохладным воздухом и понаблюдать за ночными светилами. Я за… – даже не помню, за сколько месяцев – впервые задержалась на улице допоздна, причем совершенно не затем, чтобы кого-то выследить, а по собственному желанию. Просто захотелось посидеть в одиночестве, помечтать, подумать… С кем не случается такого, ну хотя бы раз в год!

Вспомнив о времени, я глянула на позолоченные часики, подаренные мне в прошлом году тетей Милой. На моем тонком запястье часики смотрелись весьма изящно. Стрелки показывали начало первого. Луна и звезды светили так ярко, что на улице было почти светло.

Внезапно мое внимание привлек какой-то шум. Я снова глянула перед собой и… тут же подскочила с лавочки. Неизвестные все же нагнали спешащую дамочку и теперь, схватив то ли за шею, то ли за горло, что-то требовали взамен ее собственной жизни. Мне стало ясно, что происходит банальное ограбление, одно из тех, про которые каждое утро сообщается в сводке местных новостей. Не задумываясь, ни минуты не колеблясь, я вскочила со скамейки и поспешила туда, где требовалась моя помощь…

* * *

Весьма тучного телосложения девица с алчным блеском в малюсеньких глазах медленно перемещала сверху вниз приставленное к горлу жертвы лезвие ножа, наслаждаясь обуревающим несчастную женщину страхом. Нападавшая явно чувствовала свое превосходство, именно это ее и возбуждало. Подружки-толстушки – почти двухметровая дылда с дурацкими хвостиками на голове и низкорослая девица с вьющимися, крашенными в ярко-красный цвет волосами – внимательно следили за каждым движением компаньонши, обступив несчастную жертву со всех сторон. Глаза отчаянных девах жадно ощупывали трясущуюся от страха мадам, задерживаясь только на том, что, на их взгляд, имело ценность. А именно – все, что подлежало продаже и было сделано из золота, драгоценных камней и металла, а также из натуральной кожи. Вышеперечисленных вещей на жертве имелось предостаточное количество.

– Ну что, милая, – яростно прошипела в ухо женщине главная бандит-леди, – не желаешь поделиться с нами честно нажитым?

Девицы производили впечатление весьма самоуверенных и опытных бандиток, что еще больше напугало подвернувшуюся им жертву. Та хоть и старалась держаться молодцом и не выказывать страха перед малолетками, но в душе понимала, что от столь прямого и «заманчивого» во всех отношениях предложения вряд ли сумеет отказаться. Своя жизнь, несомненно, дороже золота и денег, даже если те и последние.

– Ну че застыла, как корова во время дойки, – угрожающе пробасила одна. – Быстро снимай золотишко. Давай, давай, пошевеливайся!

В считаные минуты все ценное с рук, шеи и ушей женщины перекочевало в загребущие лапки юных разбойниц, которые, не удовлетворившись этим, принялись потрошить сумку, нагло сорванную с плеча бедняжки. Внутри девчонки нашли серебристый сотовый телефон одной из новых моделей, кошелек с пятисотенными бумажками и несколько банковских карточек.

– Эту хреновину брать или как? – подняв вверх одну из карточек, засомневалась девица-переросток.

Напарницы переглянулись, видимо, не совсем представляя, что с такой находкой следует делать и как использовать. В конце концов решение снова приняла та, что удерживала потерпевшую за волосы, приставив к ее шее нож:

– Бери, потом разберемся. Не пригодятся – выкинем.

По правую сторону треснула ветка. Вздрогнув, «красавицы» резко повернулись в ту сторону, откуда послышался шум, и увидели еще одну солидно выглядевшую тетку в дорогой кожаной короткой курточке…

Это, конечно же, была я – Евгения Охотникова, телохранитель и свободолюбивый борец за справедливость. Успев преодолеть разделяющее меня и грабительниц расстояние, я некоторое время просто наблюдала за подростками со стороны, изумляясь их наглости и напору. За своим увлекательным занятием девицы вовремя не заметили моего присутствия, так что мне даже пришлось произвести некоторый шум, чтобы привлечь-таки к себе их внимание. Зато теперь я уж точно оказалась в центре событий.

– Помощь не нужна? – глядя в упор на малолетних хулиганок, с вызовом спросила я и сделала несколько шагов вперед, чтобы те получше меня разглядели.

– Не нужна, – агрессивно ответила одна, пряча за спину сумочку, сорванную с плеча ограбленной женщины. – Идите себе своей дорогой.

– Мы вас не трогаем, и вы к нам не лезьте, – поддакнула другая.

– Вам, может, помощь и не нужна, а вот ей, кажется, была бы весьма кстати! – Я кивнула на дрожащую, как осиновый лист, и обобранную до нитки женщину. При моем появлении нож с ее горла поспешно убрали. Осталась лишь рука, слегка оттягивавшая голову жертвы за волосы. Бедняга не смела вымолвить ни слова, боясь разозлить нахалок просьбой о помощи. Крик замер у нее на губах, а на лице застыла маска ужаса. Впрочем, я подозревала, что причина молчания женщины крылась еще и в острие ножа, упиравшегося в данный момент куда-нибудь в спину или ребра.

– Ей мы сами помощь окажем, – попыталась замять дело курчавая, выступая вперед и делано улыбаясь. Она, видимо, поняла, что лучше им не светиться и для собственного же блага постараться поскорее от меня избавиться. – Это наша подруга. Девушке стало немного не по себе, и мы дали ей таблетку. Теперь все в порядке. Мы проводим ее домой, не волнуйтесь.

Глянув на несчастную женщину, по всем параметрам никак не тянувшую на подружку негодяек, я решила поддержать игру:

– Что ж, я так и думала, что это ваша знакомая.

Затем, сделав вид, будто ухожу, шагнула назад, но в самую последнюю минуту, когда юные разбойницы уже собирались облегченно выдохнуть, резко вернулась в прежнее положение. Совершив молниеносный выпад, я крепко вцепилась в плечо курчавой. Та взвизгнула от боли и дернулась было в сторону, да только ничего не вышло: держала я ее крепко.

– А ну, отпусти, заору! – возмущенно выкрикнула разбойница, гневно сверкнув размалеванными глазками.

– Давай, заодно поможешь народ созвать, – ничуть не испугалась я ее блефа. – Будет кому объяснять, почему вещи этой несчастной находятся в ваших рюкзаках. Не думаю, что она отдала их сама, по собственной воле.

– Советую не вмешиваться в наши разборки, – попробовала переиграть толстушка. – Уматывай, пока кости целы. – Девица поиграла в темноте блестящим лезвием, давая понять, что стоит мне шевельнуться – и она быстренько продырявит несчастную.

Но тут, совершенно неожиданно, пострадавшая сама выкинула нечто такое, чего от нее никто не ждал. Она вдруг резко дернулась вперед. Волосы ее по-прежнему были намотаны на руку одной из разудалых разбойниц, но женщина, похоже, и думать забыла про боль. Затем она не менее резко выпрямилась, ударив грабительницу по носу своим затылком. Понятно, какую надежду питала барышня, но все же вырубить девицу-налетчицу ей не удалось. Для этого требовалась куда большая сила и навыки. У дамочки получилось лишь грубо задеть девицу. В результате та еще сильнее разозлилась.

Зато этот фокус дал мне возможность выбить из рук атаманши холодное оружие. После чего девица моментально отпрыгнула в сторону и, быстро прикинув, стоит ли рисковать собой, и приняв отрицательное решение, кинулась бежать. Такого от нее не ожидали даже подружки, вконец растерявшиеся и обескураженные.

Поняв, что атаманша их кинула, другая разбойница-малолетка лишь на минуту замешкалась, соображая, как быть, но этого времени освобожденной женщине вполне хватило на то, чтобы кинуться ей навстречу и вырвать свою сумочку из чужих рук. Теперь прочь понеслась и длинноногая. Та, что до сих пор была зажата в моих руках, отчаянно дергалась, но последовать за подельницами, увы, не имела никакой возможности. Говорят, надежда умирает последней. Верткая девица, видимо, уповая на это, норовила пнуть меня посильнее, рычала, как озлобленный зверек, но никакого серьезного вреда мне, конечно же, не наносила.

И все же ее дерганье меня раздражало. Чтобы слегка угомонить разбойницу, я схватила ее за шкирку и, приподняв над землей, хорошенько тряхнула, заметив при этом:

– Не рыпайся, тебе не по зубам.

После чего вернула звереныша на грешную землю и, не выпуская из рук, обернулась к спасенной:

– Вы как – в порядке?

– Относительно. – Женщина с благодарностью смотрела на меня, успевая при этом перетряхивать свою сумочку. – Спасибо, вы мне очень помогли… Черт, деньги все же стянули. – Она раздраженно топнула ногой. – Хорошо еще, что документы на месте… Что вы собираетесь с ней делать? – Дама вновь обратила свой взор на меня.

Только теперь я получила возможность внимательно ее рассмотреть. Нужно признать, она оказалась весьма привлекательной особой лет тридцати двух – тридцати пяти. У нее были большие выразительные глаза, маленький аккуратный носик, четко очерченные и в данный момент не накрашенные губки с пикантной родинкой внизу. Темные волосы сейчас слегка спутались и почти полностью вылезли из-под симпатичной заколки.

Дама была одета в легкую кожаную курточку, из ворота которой выглядывал белый батник. Соответственно белые, расшитые понизу стразами брючки красиво обтягивали ее довольно пышные бедра, почти полностью скрывая замшевые сапожки.

Закончив «осмотр потерпевшей», я ответила на ее вопрос:

– Эту красотку я передам в отделение милиции. Там знают, что с такими делать.

– Вы не будете против, если я не пойду с вами? – Женщина смущенно потопталась на месте, видимо, опасаясь моего отказа. – Вы-то за себя постоять можете, это сразу видно, чего не скажешь обо мне. И потом, я сейчас вся на нервах и… просто трясусь от страха. Мне нужно привести себя в порядок, успокоиться.

– Конечно, не против, идите домой, – сразу же согласилась я. – Я сама ее отведу – мне не сложно. Только оставьте свои данные. Полагаю, что работникам нашей доблестной милиции вскоре все равно понадобится с вами связаться.

Пострадавшая согласно кивнула, затем покопалась в сумочке и, достав блокнот, выдернула из середины один листок. Затем с трудом отыскала ручку и, присев на корточки, принялась что-то корябать на мятой бумажке. Я молча стояла в стороне. Задержанная тоже никаких звуков не издавала, тихо сопя и, видимо, кумекая, что ей делать дальше.

– Вот, – через несколько минут женщина протянула мне листок с записями: – Здесь домашний телефон и сотовый. Впрочем, я сама завтра в отделение зайду, чтобы написать заявление. Сейчас-то все равно там никого, кроме дежурного, нет… Да, и еще раз огромное спасибо!

На этом мы и расстались: женщина заторопилась поскорее добраться до своего дома, боясь, видимо, по новой столкнуться со сбежавшими разбойницами. Кто знает – возможно, они поджидали где-то неподалеку. Я же, подтолкнув низкорослую мошенницу в спину, направила ее в сторону расположенного поблизости отделения милиции.

Сначала мы шли молча. Лишь редкие осенние листья, не прибранные дворниками, шуршали под ногами, нарушая благоговейную тишину. Постепенно аллейка закончилась, и тут моя спутница, видимо, испытывая отчаянное желание избежать визита в казенный дом, чьи контуры уже маячили на горизонте, вдруг засуетилась:

– Слушай, а может, не пойдем в ментуру, – предложила она без всяких предисловий. – Чего мы обе там забыли? Тебя сейчас заставят бумажки разные заполнять, потом по кабинетам затаскают, вопросов кучу разных зададут, а меня с полчаса подержат, а потом все равно отпустят.

– Да ты, я смотрю, не сильно и боишься, – заметив, с какой вызывающей наглостью ведет себя малолетка, усмехнулась я. – Что, уже не в первый раз приходится посещать нескучное местечко? Довелось, наверное, узнать, что такое камера предварительного заключения?

– А вы небось думали, что от одного упоминания о ней я затрясусь или, может, еще и в обморок грохнусь, – хихикнула деваха, свободной рукой небрежно заправляя за ухо вырвавшийся из хвостика локон. – Черта с два! Меня все равно выпустят, мне ж еще и четырнадцати не исполнилось. А судить только с таких лет могут, я это точно знаю.

– Знаешь и пользуешься… Родители-то хоть в курсе, чем ты занимаешься? – вскользь оглядывая не до конца еще сформировавшуюся фигуру и лицо и понимая, что относительно своего возраста поганка, скорее всего, меня не обманула, спросила я.

– В курсе, – небрежно отмахнулась та, но я ей не особенно поверила. Наверняка врет, как и большинство малолеток, которых отлавливают на улице и совершенно неожиданно для них развозят по домам. Лучше уж в милицию, откуда все равно отпустят, особенно если как следует пореветь, чем к родителям, которые могут ничего и не знать, зато, узнав, организуют такую поучительную беседу, что мало не покажется.

– А давай-ка я тебя к ним доставлю, – с прищуром глянув на девчонку, сама не знаю почему, вдруг предложила я. – Заодно и познакомлюсь поближе: очень уж хочется узнать, как они на твой приработок смотрят!

Я резко свернула с дорожки в сторону, туда, где была оставлена моя машина.

– Сквозь пальцы, – нагло вздернув подбородок, откликнулась юная разбойница.

– Ну вот и проверим. Пошли.

Возражений не последовало, и мы направились к автостоянке. Там среди остальных машин я отыскала свою, открыла дверцу и запихнула девицу в салон, усадив на переднее сиденье. Вставив ключ в замок зажигания, я повернула его и прислушалась к негромкому шуму двигателя. За время простоя машина успела слегка промерзнуть, так что, прежде чем трогаться, следовало ее сначала прогреть, что я как раз и делала. Когда мотор заработал четко и в полную силу, я обернулась к притихшей девчонке и спросила:

– Как зовут?

– Верка, – небрежно шмыгнула носом девица и принялась теребить пальцами висящую на лобовом стекле мягкую игрушку – маленькую гориллу в желтом комбинезоне и точно такой же кепке. – Забавная. Сама сшила?

– Нет, подарили. Так где ты живешь?

– В райцентре Коброво… Недалеко от города. – Девица махнула рукой куда-то вправо.

– А сюда специально для грабежей приехали? – не торопясь двигаться с места, уточнила я.

– Ну не дома же куролесить, – усмехнулась в ответ малолетняя нахалка. – У нас дыра дырой, приличных гражданок – раз, два и обчелся, всех по пальцам пересчитать можно. А потом, как в любой деревне, в одном конце чихнешь, в другом скажут, что обделался. Мы не дуры, чтоб там светиться. А тут холеных таких, как вы, пруд пруди. Чуть ли не через одну у всех золотишко, шкурки, меха. Чего ж не ограбить, коли сами напрашиваются?!

– Попадалась уже? – Я не сводила любопытного взгляда со своей спутницы.

– Сто раз, – охотно призналась она, видимо, вполне довольная тем, что может похвастаться своими «успехами». – Правда, всегда удавалось вовремя свалить. Менты – они же дураки полные! Чуть сопли развесишь – жалеть начинают, а если еще на лапу дашь, так они уже тебе помочь готовы…

– Значит, до отделения не довозили, – подвела я итог.

– Почему? Довозили, но совсем по другому поводу. Кстати, а че ты вообще вдруг решила вмешаться? Обычно прохожие стараются нас стороной обходить.

– То-то вы совсем и обнаглели! Ну да ничего, сейчас сдам тебя родичам, они живо внесут недостающую поправку в твое воспитание.

– Угу, – усмехнулась в ответ Верка и, отвернувшись к окну, принялась рассматривать ночной городской пейзаж со множеством огоньков – зрелище не менее впечатляющее, чем звездное небо.

До райцентра мы добрались далеко за полночь. Темень вокруг стояла непроглядная, дорога оказалась корявой и мерзкой, а потому нас все время трясло и то и дело подкидывало на кочках. Встречных машин фактически не было. Оно и понятно: в век тотальной урбанизации количество населения в райцентрах, подобных Коброву, стремительно падает. Наверняка основной процент жителей составляют древние старики и старухи, а молодежи почти нет.

Верка за время поездки успела немного вздремнуть. В моей машине, судя по всему, она чувствовала себя как дома. Мою спутницу, похоже, мало волновало, что ее ждет впереди, отчего я слегка занервничала. Не ошибка ли везти ее к родственникам? Может, надо было доставить прямиком в отделение? Я даже принялась мысленно ругать себя: «Вечно я себе проблемы какие-то нахожу и все усложняю! Хорошо еще, что сегодня тети Милы дома нет, иначе замучила бы звонками: где я есть, что делаю. Она-то сейчас небось веселится на дне рождения бывшего коллеги, а может, даже уже давно спит, а я вот тащусь невесть куда. И зачем мне все это надо?»

– Вон наша хата, – ткнув пальцем в сторону старой трехэтажки с двумя подъездами, сообщила проснувшаяся Верка, едва только я начала спускаться с горки к показавшимся впереди строениям поселка. Затем она немного помолчала и со вздохом добавила: – Предки все еще зенки таращат, небось порнуху включили, потому и не спят. Такое зрелище им по душе.

Я сбавила скорость и, зарулив во дворик, затормозила прямо напротив подъезда, указанного Веркой. Затем окончательно заглушила мотор и первой вышла из салона. Верка нехотя последовала моему примеру.

– Ну че, и впрямь хочешь подняться? Этот вопрос юная разбойница задала весьма наглым тоном. Складывалось такое впечатление, будто бы именно она меня сюда притащила в наказание за какой-то серьезный проступок. – Сразу предупреждаю, тебе у нас не понравится – хибара не твоего ранга.

Я уверенно шагнула вперед, давая понять, что меня ничем не испугаешь и передумать не заставишь – если уж что решила, то доведу до конца.

– Ну как знаешь, дело твое, – равнодушно передернула плечами девица. Обогнав меня, она стала подниматься по лестнице наверх.

Я старалась не отставать. Вскоре мы оказались на самом верху. Верка порылась в своем потрепанном рюкзаке, извлекла связку ключей и быстро открыла дверь. Затем вытащила ключ из замочной скважины, бросила его обратно в рюкзак и, небрежно пнув дверь ногой, пригласила:

– Прошу в наши апартаменты!

Я осторожно шагнула в темноту коридора, откуда доносились совершенно непристойные звуки и стоны, отчетливо подтверждающие недавние слова Верки: сородичи, видимо, просматривали фильм для тех, кому далеко «за шестнадцать». Постепенно мои глаза начали привыкать к темноте, и я смогла различить неясные очертания полок, шкафов, ящиков и всякого хлама. Я осмелилась сделать несколько шагов вперед, и вскоре откуда-то сбоку прорвался луч света. Я приостановилась, а юная хозяйка, опередив меня, уверенным движением широко распахнула дверь и, встав в позу «ночной бабочки» в ожидании клиента, замерла в дверном проеме. Я осторожно выглянула из-за ее спины, желая рассмотреть сидящих в комнате.

– А, приперлась, – недовольно пробурчал со своего места небритый, взлохмаченный мужик при виде Верки. Меня он пока еще, похоже, не заметил. – Что-то сегодня ты рано… – Он ковырнул грязным пальцем в передних зубах и снова спросил: – Не расскажешь любимым родственничкам, где тебя нынче носило?..

Девчонка в ответ огрызнулась:

– Не твое дело, кретин, – и пулей пролетела в свою комнату, оставив меня растерянно стоять на пороге под пристальными взглядами остальных домочадцев.

Главным из присутствующих, несомненно, был хозяин дома – распухший, вероятно, от продолжительного запоя мужик с топорщившейся щетиной и клоками седых волос на голове. Колоритный персонаж был одет в засаленную, давно уже не белую майку с растянутым воротом и пузырящиеся на коленях кальсоны, местами пустившие «стрелки», выставляющие напоказ волосатые ноги. Судя по всему, это был отец семейства.

Помимо него, в кухне (а именно в это сумрачное и убогое помещение я попала) находились еще пара человек: косматый малец лет двенадцати, а то и меньше, с запекшейся на голове раной и немного раскосыми глазами, и довольно упитанная девица на артритных ногах. Судить о возрасте последней было весьма затруднительно. Малец что-то строгал, сидя на расшатанном табурете. Девица помешивала кипевший в грязной кастрюле вар, испускавший совсем не аппетитный запах, и то и дело поглядывала на экран старого черно-белого телевизора, стоявшего на забрызганном жирными пятнами холодильнике. На мать семейства девица смахивала мало, а потому я решила, что это, скорее всего, старшая из дочерей.

Не сразу избавившись от замешательства, я постаралась взять себя в руки и, несмотря на зародившиеся уже в душе сомнения, все же произнесла:

– Ваша дочь занялась криминалом. Я только что стала свидетельницей того, как она и несколько ее подружек пытались ограбить приличную женщину, возвращавшуюся домой от остановки. Девицы не поленились приехать ради этого в город.

– А вы, судя по всему, работник милиции, – нехотя оторвавшись от интереснейшего фильма и искоса посмотрев на меня, протянул мужчина. На губах его блуждала ухмылка. Когда он открыл рот, на меня пахнуло нестерпимым перегаром. – Что-то не сильно похожи…

– Я и не работник мил…

Слушать мои объяснения явно никто не собирался. Без лишних церемоний меня оборвали на полуслове, а затем я услышала совершенно немыслимое:

– А, так, значит, просто ответственная гражданка… Зря вы сюда приперлись, дамочка. Мы в курсе, что эта шалава чем-то подобным промышляет… И неча удивляться, жить-то по-барски всем охота, да так, чтоб еще и не работать. При любом раскладе в наше время таким, как она, дорога одна – в криминал.

– Но ведь Вера могла бы пойти рабо…

Мне вновь не дали договорить.

– Верка?.. Издеваетесь? Для того чтобы работать, надо чего-нибудь знать, а она у нас даже средней школы толком закончить не может, дура…

– Сам придурок, – не удержалась от ответного комплимента девица, снова заглянувшая в кухню. Как оказалось, она никуда и не пряталась, а со стороны следила за разговором – интересно же, чем все кончится. – На хрен мне нужна ваша школа, тем более вечерка!

– Вы имеете в виду школу для трудных подростков? – удивилась я.

– Ее самую. Пару раз нарвалась, вот ее и определили к тем особям, которые тоже склонны к хулиганству. – Мужик вновь издал нечто похожее на смешок. – Ну, видно, и спелись они там. Ведь, чтоб мужикам давать за деньги, ей не хватает ни рожи, ни кожи. А для того, чтобы стать мошенницей, мозгов не хватает. Вот и получается, что грабеж – самое подходящее для нее занятие…

– Вы так спокойно об этом говорите, словно это не ваша дочь, – изумилась я, впервые сталкиваясь с подобным цинизмом и равнодушием. – Неужели вам за нее нисколько не стыдно?

– А почему это мне должно быть стыдно? У нее что, своей совести нет? Вот придумали… Мне вообще плевать, как она себе на жратву зарабатывает. Главное – чтоб меня не трогала. Я один не собираюсь весь этот клоповник содержать.

– Ирр-род! – продребезжало откуда-то сбоку. Я повернула голову в ту сторону и увидела маленького, сухого и сморщенного похлеще сушеного гриба старичка, совершенно сливавшегося с серыми, замызганными обоями. Почему-то его я не заметила сразу.

Он был по пояс обнажен, так что весь его дистрофичный стан, с просвечивающими ребрами и прилипшим к позвоночнику животом, оставался на виду, внушая отвращение. Подобное мне приходилось встречать лишь на страницах газет, рассказывающих о заключенных гитлеровских концлагерей и камерах пыток. Но то были фотографии… «Оригинал» же казался еще более безобразным и ужасающим. Пока я пялилась на ходячий скелет, старик слабо выкрикнул:

– Тебб-бе бы только водяру жрать, анти…христ. Эт не нас… в пятьдесят четвертом, а вас… безз…божников, на верную смерть посылать следовало.

Дед чахоточно закашлялся и на время потерял всякую возможность говорить.

– Не слушайте вы его, – перехватив между тем мой пристальный взгляд, буркнул хозяин. – Сбрендил он малость, после ядерного испытания. Жаль, что совсем его тогда не шарахнуло. Глядишь, сейчас бы лишний угол не занимал.

– Для вас… – Дед едва сдерживал новый приступ кашля. – …кхе-к-кхе… ско…тов… все равно ничего святого нет. Только в землю зря гадите… вместо того, чтоб нор…мальный след после себя… оставить. – Дед постоянно прерывался, давясь кашлем. – Ху…ми работать любой горазд, мы же для науки…

– Уймись, дед, нас тогда еще и в планах не было, когда ты по своему полигону бегал, – рыкнул на неугомонного старика мужик. – Никому это уже не интересно. – Он снова повернулся ко мне: – Ну че застыли там, как изваяние. Пить будете?..

– Н-нет, я пожалуй поеду, темнеет, – попятившись к двери, заторопилась я.

– Ну как хотите, дважды предлагать не стану, – и, ловким движением откупорив бутылку, муж семейства запрокинул ее вверх и стал заливать свое бездонное горло.

Я поспешила покинуть сию неблагополучную семейку и убогое жилище и, лишь выйдя на свежий воздух, смогла облегченно вздохнуть.

«Ну и времечко пошло, всем друг на друга плевать. Разве ж раньше такое могло быть? Права тетя Мила, которая постоянно твердит, что в ее годы в людях воспитывали сочувствие, а не безразличие! Вот он и результат… Верно говорил и Виктор Гюго: „Чтобы изменить человека, нужно начинать с его бабушки“. Хотя сейчас, наверное, нужно начинать еще раньше».

Немного подышав свежим воздухом, я села в машину и внезапно почувствовала, что мне впервые за много лет захотелось напиться. Не до отключки, а просто выпить чего-нибудь алкогольного, что поможет расслабиться и забыть о том, что половина населения нашей страны живет вот в такой же вот нищете и зарабатывает себе на хлеб далеко не праведным образом. Вот вам и ответ на вопрос, откуда берутся преступники.

На мое счастье, зазвонил сотовый телефон, отвлекая меня от грустных мыслей. Не глядя на дисплей, на котором определился номер, я торопливо нажала кнопку ответа и произнесла:

– Слушаю!

– Женька, где тебя в такую пору носит? – возмущенно пропел знакомый голосок тетушки Милы. – Я еще четыре часа назад домой вернулась, думала, ты спишь… Заглядываю, а тебя и нет вовсе.

– Скоро буду, – не желая вдаваться в объяснения, отмахнулась я.

– Естественно, будешь, в противном случае я тебя попросту не пущу в дом, оставлю ночевать на улице. А то вона что взяла в моду…

– Тетя… – Я начинала раздражаться. – Мне уже не пятнадцать лет, пора бы уже это понять. И я ни перед кем отчитываться не должна! Ложись спать и не волнуйся, скоро приеду.

– Я-то не волнуюсь, а вот другие волнуются, – не спешила класть трубку окончательно разошедшаяся тетушка Мила.

– Кого это ты имеешь в виду?

– Очередного желающего воспользоваться твоими услугами, – расплывчато поведала та. – Он уже раз восемь звонил и оставил на автоответчике кучу самых разных сообщений. И это при том, что я назвала ему номер твоего сотового, хотя… – тетя запнулась, – мне кажется, что последние цифры я все же перепутала местами. Подозреваю, что у этого человека случилось что-то серьезное, очень уж обеспокоенным он мне показался.

– У всех моих клиентов случается что-то серьезное, – ничуть не удивилась я. – Иначе бы они ко мне не обращались. Ладно, приеду – прослушаю.

Теткины слова заставили меня поторопиться. Я слегка увеличила скорость и через двадцать минут уже была дома и с облегчением скидывала с уставших ног лаковые туфли на невысоком каблучке. Вообще я терпеть не могу обувь на каблуках, она кажется мне неудобной. Но иногда, когда вдруг случалось надевать платье или юбку, пользоваться ею все же приходилось. Так вышло и на этот раз…

– Ну наконец-то, я уж изнервничалась совсем, – выглядывая в коридор, подала голос неугомонная тетушка Мила.

– А ты чего это сегодня вообще домой вернулась? – опередив назревающий поток вопросов, спросила я. – Говорила же, что заночуешь там, у своего Валентина Григорьевича. Или он тебя выгнал за слишком длинный язык?..

– И заночевала бы, но… наши мальчики, – на щеках тетушки вспыхнул легкий румянец, – слишком уж развеселились. Не думаю, что они закончат гулять раньше чем к обеду завтрашнего дня. Я на такое уже не способна, вот и попросила кое-кого подбросить меня до дома.

– Он оказал тебе такую услугу, но тебе вновь не повезло, и бессонница так и не дала тебе возможности насладиться объятиями Морфея, – закончила за нее я.

– Ну, примерно так, – согласилась тетя Мила и тут же пожаловалась: – Выпила уже две таблетки снотворного – и ни какого результата! Если б знала, что тебя нет дома…

Я активно замахала руками, давая понять, что давно уже пора оставить эту тему. Затем проскользнула в кухню, налила полный бокал воды и сделала несколько больших глотков. За это время суетливая тетка успела притащить в кухню телефон и, не спрашивая моего согласия, нажала на кнопку воспроизведения записи. По кухне тут же поплыл незнакомый, достаточно приятный мужской голос:

– Здравствуйте еще раз. Извините, что беспокою, но мне очень нужна ваша помощь. Пожалуйста, позвоните мне сразу, как только вернетесь. Мой номер: тридцать один, семьдесят пять, шестьдесят четыре. Спросить Зубченко Анатолия Степановича. Жду вашего звонка! – Пи-и-и-и-и!

– Это последнее, погоди, сейчас перемотаю на начало, – вновь засуетилась тетушка Мила.

– Не нужно, мне и так все ясно. К тому же прямо сейчас я перезванивать не стану. Подождет его проблема до утра. Глядишь, и сама разрешится.

– Мне кажется или ты сегодня не в духе?

– Сама еще не поняла. – Я пожала плечами и направилась в свою комнату, намереваясь упасть в мягкую постель и забыться безмятежным сном. А завтра – это все-таки завтра, до него еще дожить или доспать нужно.

* * *

– Женя, ты не забыла, что собиралась перезвонить с утра Анатолию Степановичу, – сквозь рассеивающийся туман сновидений донесся до моего слуха чей-то голос. Оказывается, это кричала из кухни тетя Мила, уже давно вставшая и, видимо, решившая, что и мне пора сделать то же. А приняв такое решение, она «прибавила» уровень громкости своего голоса до максимума. Тетушка вообще эффективнее любого будильника и запросто поднимет мертвого, поставив при желании перед собой такую цель.

Я сладко потянулась под легким верблюжьим одеялом и вдохнула ароматы, доносившиеся из кухни. Похоже, тетушка колдовала над каким-то пирогом, от одного запаха которого тут же встрепенулся мой желудок, громким урчанием напомнивший о том, что давно переварил вчерашний ужин. Я поторопилась встать. Накинула на плечи мягкий темно-бардовый махровый халат, сунула ноги в такого же цвета тапочки и пошаркала в кухню.

– У-у-уу! Как пахнет! Будет мне кусочек?..

– Только после того, как перезвонишь тому нетерпеливому, иначе он снова примется названивать сам.

– А он что, уже успел отметиться с самого утра? – Я вопросительно посмотрела на тетю.

– Успел, успел, – активно закивала головой та. – Аж три раза успел. Суетливый, видно, гражданин. Ну иди уже, перезвони ему – не заставляй человека нервничать. И оставь в покое пирог. – Тетя Мила хлопнула меня по руке, не дав отщипнуть и маленького кусочка от теплого яблочного пирога.

Разочарованно вздохнув, я поплелась в зал, к ненавистному аппарату, заранее предугадывая все то, что сейчас услышу. Что ни говори, а работа частного телохранителя в любом случае подразумевает одно и то же: охрану и защиту кого-либо от кого-либо. Вряд ли этот клиент предложит что-то новое.

Плюхнувшись в кресло, я набрала номер и от неожиданности вздрогнула: первый же гудок оборвался, и раздался громкий взволнованный голос:

– Да, да, слушаю!

– Вы меня напугали! – не смогла я удержаться от эмоций. – Это квартира Зубченко Анатолия Степановича?

– Она самая! А вы, наверное, Охотникова, – продолжил частить мой собеседник. – Я уже и не надеялся вас услышать – хорошо, что вы позвонили. Я в растерянности и совершенно не знаю, что делать! Понимаете, меня хотят убить! И уже совершили несколько попыток. Каждый раз чудом оставался жив. Причем даже непонятно, кому я мог так насолить. Кстати, обратиться к вам мне посоветовали мои очень хорошие друзья, – без всяких пауз перескочил с одного на другое мужчина. – Другим частникам я не решился позвонить. Про оплату мне все известно, поэтому хотел бы сразу обговорить суть работы. Вы можете подъехать прямо сейчас.

– Прямо сейчас не могу, – удалось мне наконец-то вставить фразу в его длинный монолог.

– Не можете?.. – Мужчина явно расстроился. – А я надеялся…

Я поспешила успокоить беднягу:

– Не могу, потому что неосмотрительно выезжать к заказчику, даже не позавтракав. Как только поем, буду полностью в вашем распоряжении. Диктуйте адрес.

– Седьмая Пролетарка, дом восемьдесят четыре, квартира сорок пять. Код на входной двери запишите тоже… Восемь, три, четыре, один. Жду вас.

– Что ж, увидимся через час. – Я, не прощаясь, повесила трубку. «Ну вот, как и предполагала, все одно и то же. И когда только наступит в моей жизни разнообразие?»

Глава 2

Я катила по ровной дороге в сторону Седьмой Пролетарки, попутно слушая передаваемый по радио прогноз погоды.

– Сегодня ожидается проливной дождь и шквальный ветер. Метеослужбы предупреждают: будьте осторожны на дорогах, в случае усиления ветра не выходите на улицу.

«Да уж… Начало дня оптимизма не внушает!» – переключая волну, вздохнула я. Затем выглянула в окно на светлое, почти безоблачное небо, совсем не предвещавшее грозы. Вспомнился старый анекдот: «Можно ли верить прогнозам метеорологов? Конечно, можно! Только учитывайте расхождения во времени».

Почти тут же забыв о прогнозе, я сосредоточилась на дороге и очень скоро добралась до нужного дома. Там припарковала свое авто рядом с обклеенной рекламными плакатами «Газелью». Особенно мне понравилось название автосервиса: «Раздолбай-сервис». Лично я ни за что не доверила бы мастерской с таким названием свою красавицу.

Поставив машину на сигнализацию, я вошла в подъезд, дверь которого оказалась не заперта, и стала подниматься наверх, выискивая квартиру с нужным номером. Когда таковая нашлась, я нажала на кнопку звонка и немного отступила назад, ожидая почему-то, что дверь распахнется в ту же минуту. Ничего такого не случилось – мне пришлось томиться в ожидании минут пять. Наконец я увидела на пороге светловолосую женщину с короткой стрижкой. Она мило улыбнулась и, не спрашивая, кто я и зачем явилась, пригласила в дом:

– Прошу вас, проходите. Муж ждет вас в своем кабинете.

Я кивнула и проследовала за ней в квартиру. Разувшись в коридорчике, направилась к указанной комнате. Здесь хозяйка на минутку остановилась, тихонько постучала и лишь после этого прошла в комнату. Мне даже на секунду показалось, что жена здесь выполняет роль секретарши. Но почти сразу выяснилось, что в своих предположениях я ошиблась: это подтверждали ее слова и интонация, с которой она обратилась к сидящему за столом человеку:

– Милый, Евгения Максимовна уже прибыла.

Из-за светлого компьютерного столика поднялся невысокого роста мужчина с высоким лбом, испещренным морщинами. На вид ему было не больше сорока. Поспешно подскочив, мужчина ухватил меня за руку и принялся нещадно ее трясти. Я лишь глуповато улыбалась в ответ.

– Евгения Максимовна, я Анатолий Степанович! Очень рад с вами познакомиться, столько о вас слышал…

– Зовите меня просто Женей, – попросила я. – Не терплю официоза и предпочитаю быть для клиента в первую очередь другом, а потом уже телохранителем.

– Это совершенно правильно, я тоже так считаю, – не переставал трещать мой потенциальный клиент.

Честно сказать, его десяток слов в секунду меня немного раздражал, но я пыталась сдерживаться и просто не обращать на это внимания. В конце концов, все люди разные – кто-то более эмоционален, кто-то менее, кто-то говорит размеренно и с большими паузами, а некоторые трещат без умолку.

– Да вы проходите, присаживайтесь. Любочка сейчас приготовит нам кофейку, а я пока поведаю вам о своих бедах…

Мы дружно уселись на мягкий, покрытый шкурой какого-то животного диван, почти наполовину провалившись в него. Вздохнув, Анатолий Степанович приступил к описанию своих проблем, для решения которых меня, собственно говоря, и позвали.

– Понимаете, Евгения Михайловна…

– Женя.

– Ах да, извините. В общем… Женя, мне кажется, что меня кто-то преследует и пытается убить.

– Кажется или для этого есть какие-то основания? – переспросила я, предположив, что у мужчины могут быть какие-то проблемы психического характера – психи как раз отличаются нервозностью, повышенной эмоциональностью и целым набором различных фобий.

– Конечно же, есть! Вот не далее как на прошлой неделе на меня напали! Это случилось ночью, недалеко от дома. Меня пытались ограбить. Хорошо еще, что поблизости оказалась какая-то собака… Когда я начал звать на помощь, она тоже заголосила, да так громко, что спугнула налетчиков.

– Ну, в наше время такое с каждым случается, – вспоминая вчерашнее происшествие, преспокойно заметила я. – Было что-то еще или этим все и ограничилось?

– За кого вы меня принимаете?.. – Зубченко состроил обиженную мину, поняв, что я не слишком склонна верить его байкам. – Неужели я стал бы так паниковать из-за пустяка? Конечно же, это не все. Вскоре после того как произошло ограбление, кто-то подкинул в мою машину муляж взрывного устройства. По крайней мере, мне так сказали, что муляж… Но я слабо в это верю! Мне просто повезло, что он не взорвался. Затем дверь в нашу квартиру неизвестные облили бензином и подожгли.

Спасибо соседям, которые вызвали пожарных и тем самым уберегли наш дом и наши жизни… Дверь, разумеется, пришлось заменить. А потом…

На этом я прервала эмоциональную речь заказчика:

– Можете не продолжать. Мне и так все ясно. Лучше скажите, вы точно не догадываетесь о том, кто может таким образом вас запугивать?

– Запугивать? – Мужчина даже удивился. – Разве это похоже на банальное запугивание? Вы, кажется, не поняли – меня на самом деле пытаются убить! То подстраивают аварию, то чуть не сбивают машиной. Я сам не понимаю, как мне до сих пор удалось уцелеть… После всего этого… А вы говорите – запугивать!

Я не стала настаивать на собственных умозаключениях:

– Что ж, возможно, и так. Но, согласитесь, право на существование имеют обе версии. Возможно, что вы именно потому до сих пор живы, что никто не намеревался вас убивать. По-настоящему…

– То есть вы хотите сказать, что не будете браться за это дело? – по-своему расценил мои слова мужчина.

Я поняла, что слегка перегнула палку. Очередной заказ сейчас совсем не помешает. К тому же мне вообще должно быть все равно, за что получать деньги, так что…

– Нет, нет, я совершенно не то хотела сказать, – стала я оправдываться. – Тем более именно вам решать, стоит меня нанимать или нет, все же деньги платите вы. Моя же обязанность – уберечь вас от новых нападений, обеспечить безопасность…

– Вот именно на это я и рассчитываю! Ну, а если вы не против, тогда… – Анатолий Степанович описал руками в воздухе какую-то немыслимую фигуру и добавил: – Наверное, вам следует поселиться здесь, у нас. Комнату мы уже подготовили.

– Прошу к столу! – заглянув в кабинет, позвала жена Зубченко.

Мы переместились в гостиную и уселись за большим круглым столом, покрытым шелковой, расшитой понизу бледными розами, скатертью. Вообще чувствовалось, что в денежном плане семья Зубченко не тужит, покупает все, что хочет, старается даже следовать моде – как в одежде, так и в интерьере дома.

В самой гостиной стены были покрыты нежно-розовой краской, на фоне которой светлая мебель смотрелась особенно элегантно. Полочки и столики украшали композиции из сухоцветов и красивых природных камешков, малахитовые статуэтки и резные шкатулки. Шторы на окнах гармонировали с общей цветовой гаммой и были лишь на тон темнее стен. Сверху

их покрывали легкие прозрачные занавеси с затейливым рисунком, своеобразно накладывающимся на основной фон. Одним словом, чувствовалась рука опытного дизайнера.

Внимательно все осмотрев, я не удержалась от вопроса:

– Скажите, а вы сами занимались оформлением своей квартиры?

Вопрос был адресован жене Зубченко, но ответил на него сам Анатолий Степанович:

– Да что вы! Если бы сами, мы бы и через тысячу лет ремонта не закончили… Нанимали специалистов-дизайнеров.

– А где и кем вы работаете? – вновь полюбопытствовала я. – Извините за нескромный вопрос, но, согласитесь, не каждый может позволить себе такую роскошь, какая наблюдается в вашей квартире. Вы бизнесмен?

– Да где там! – Анатолий усмехнулся. – Всего-навсего ученый.

– Не всего-навсего, а один из лучших! – внесла существенную поправку его супруга. Она по всем параметрам оказалась женщиной приятной. Назвать ее красавицей было бы затруднительно: неброское лицо, полноватые губки, глубоко посаженные глаза с нависающими на них веками. Держалась она просто, без высокомерия, в общении отличалась легкостью и производила впечатление весьма неглупой дамочки. Пока я ее рассматривала, Любовь продолжала хвалиться: – Толечка у нас академик Научного центра ядерных исследований, разработчик, как и его отец. Честно сказать, если бы не последний, мы бы вряд ли могли позволить себе такую роскошь. Просто папа Анатолия оставил нам внушительное наследство. Ведь Степан Владимирович участвовал в создании и разработке самой первой ядерной бомбы! Отсюда и деньги. Он работал с самим Курчатовым – слышали, наверное, о таком?

– Да, разумеется!

– Это ведь под его руководством был создан первый вид атомного оружия. Тогда проводили первое испытание. Целью стало изучение действия атомного взрыва и создание системы защиты от его последствий. Если хотите, потом могу показать вам альбом с фотографиями. Это наша семейная реликвия, там хранятся кадры, достойные Доски почета.

– Буду не против, – не отказалась я, решив, что все равно чем-то нужно занять свободное время.

Мы допили кофе, еще немного побеседовали на нейтральные темы. Затем Любовь убрала все со стола и принесла несколько больших, увесистых альбомов красного цвета с советскими гербами. Я подсела поближе.

– Думаю, что мое присутствие пока не обязательно, – намереваясь вернуться к работе, заметил Анатолий Степанович, вставая. – Я-то всю эту историю слышал уже, наверное, раз пятьсот, причем из первых уст. Так что оставляю вас вдвоем.

– Не волнуйся, я не дам Женечке заскучать, – пообещала супруга, одарив мужа влюбленным взглядом.

Зубченко вышел, а Любовь принялась листать альбом, сопровождая просмотр едва ли не каждой фотографии личными комментариями.

– Вот это вырезка из газеты, выпущенной семнадцатого сентября того года. В ней кратко сообщается о проведенном испытании на Тоцком полигоне, что под Оренбургом. Впрочем, само испытание проходило четырнадцатого числа. В половине десятого бомбардировщик «Ту-4» сбросил атомный заряд на специально выбранное для этого место. Вот, видите белый крестик? – Она ткнула маленьким пальчиком в газетную вырезку с плохо пропечатанной фотографией. – Снаряд взорвался через несколько секунд, кажется, через сорок пять, находясь на высоте триста пятьдесят метров от поверхности земли. При этом событии присутствовали очень известные люди – вот тут, узнаете? – Любовь указала уже на следующий снимок. – Это сам маршал Жуков, он и руководил теми испытаниями. Рядом с ним Хрущев, тогдашний министр обороны Булганин, а вот и сам академик Курчатов.

– Это? – Я указала еще на одного, затерявшегося за спинами остальных, мужчину в парадной форме.

– А это и есть наш дед – Зубченко Степан Владимирович! На следующих снимках тоже он. Вот здесь ему вручают награду за прекрасное выполнение ответственного задания. Этих медалей у нас целый чемодан! Одно время думали продать, а потом оставили. Все-таки память…

– Так, значит, раньше семья вашего мужа жила под Оренбургом? – озвучила я свое предположение.

– Нет, никогда. Просто там проходили испытания. А жил Степан Владимирович совершенно в другом месте, недалеко от столицы. После распада Союза он перевез семью в Тарасов. Почему сюда, я не знаю. Здесь мы с Толиком и познакомились. Его отец устроился работать в местный ракетный институт, где-то в области. Анатолий, когда выбирал себе будущую профессию, конечно же, ориентировался на отца, вот и пошел по его стопам. Сейчас работает в научно-исследовательском центре. Теперь их значительно больше по стране, чем раньше, открываются всевозможные филиалы. Не такие значительные, как в Москве, но все же…

– Значит, у вас семья разработчиков, можно так сказать, – листая альбом, подытожила я.

– В общем-то, да, – согласилась моя собеседница. – И мы этим очень гордимся. Про нас даже статью в газете писали, точнее, про Анатолия и его отца. Я забыла, к какому празднику, и жаль, что газеты не сохранилось… Но я хорошо помню, как у нас брали интервью. Тогда Степан Владимирович еще был жив.

Любовь еще долго рассказывала мне о замечательных родственниках своего мужа. Когда же тема была полностью исчерпана, женщина показала мне мое временное пристанище. Комната оказалась на вид весьма симпатичной.

– Думаю, что вам здесь будет удобно.

– Мне везде удобно, – улыбнулась я. – Это уже профессиональное качество. Скажите, Люба, а у вас есть дети?

– Да, сын Егорка. Ему уже двадцать три.

– Тоже разработчик атомного оружия?

– Нет. – Любаша с каким-то сожалением вздохнула. – Ему это совершенно не интересно. Он считает все эти разработки никчемными. И если вдруг грянет война, достаточно и одной бомбы, чтобы уничтожить всю планету. Какой толк создавать что-то еще более мощное?

– Кстати, я с ним совершенно согласна.

– Что ж, может быть, и так, – с сомнением протянула женщина, а затем более уверенно продолжила: – Егор еще во время учебы в школе решил податься в бизнес. Сейчас он у нас менеджер в Поволжском банке. И ему там очень даже нравится.

– Он живет с вами?

– Нет – не хочет. Снимает себе квартиру. Говорит, что мы ограничиваем его свободу. Но в выходные дни все же заглядывает к нам, а в будни общаемся только по телефону.

– Ваш супруг сообщил, что на него совершили уже несколько покушений. А вас преступники пока не трогали?

– Нет, ни разу. Я сначала побаивалась из дома выходить, ведь никогда не знаешь, что у этих бандитов на уме. Толик тоже просил быть осторожнее и без особой надобности квартиру не покидать. Но со мной до сих пор ничего плохого не случилось. Видимо, в их планы нападение на меня пока не входит. Если бы возникла какая-то опасность, муж нанял бы охранника и для меня тоже.

Послышался мелодичный звон. Я сначала подумала, что это звонят в дверь, но Любаша спешно вскочила с кресла и, метнувшись к выходу, торопливо бросила:

– Это телефон. Подождите минутку, я сейчас.

«Приятная телефонная мелодия, – отметила я про себя. – Надо бы завести такой же аппарат, чтобы не вскакивать каждый раз как ошпаренная, услышав скрипучую какофонию своего „агрегата“…»

Не желая находиться в одиночестве, я неторопливо переместилась в гостиную, решив, что не помешаю хозяйке. Возможно, присутствовать при телефонном разговоре с моей стороны и не слишком этично, но… Мало ли кто может звонить? А если это преступники угрожают моему клиенту? Здесь уж не до этикета!

Когда я вошла в гостиную, там уже находился и Анатолий Степанович. Его супруга выглядела испуганной. Было очевидно, что ей не по себе…

– Какая почта? Что случилось? – между тем почти прокричал в трубку мужчина.

Ему что-то ответили, и он вновь зачастил:

– Объясни толком, что происходит, Егор! Егор…

Судя по всему, в трубке уже раздавались короткие гудки, и Анатолий Степанович зря надрывал горло. Впрочем, он и сам это вскоре понял и раздраженно отшвырнул трубку. Ударившись о край тумбочки, она отскочила в сторону и повисла на шнуре, а разозлившийся Анатолий Степанович пулей помчался к выходу.

– Что-то случилось? – перехватив встревоженный взгляд его супруги, поинтересовалась я.

– Кажется, случилось, – неуверенно кивнула Любовь. – Звонил Егор… Он был каким-то встревоженным, даже напуганным. Попросил позвать отца…

Сообразив, что женщина сама толком ничего не знает, я кинулась догонять Зубченко, тем более что в мои обязанности как раз и входило все время находиться рядом с ним и оберегать от возможных неприятных неожиданностей. Анатолия Степановича я нагнала почти на первом этаже, где он, разъяренный тем, что никак не удается открыть почтовый ящик мизерным ключиком, бил кулаком по алюминиевому каркасу.

Да, пора брать инициативу в свои руки, иначе все это добром не кончится.

– Дайте-ка, я попробую вам помочь!

Я решительно отодвинула Зубченко в сторону и принялась бороться с настырным замком собственными методами. Ухватившись за ключ, несколько раз покрутила его влево-вправо, затем слегка потянула на себя и повернула. Дверка почтового ящика открылась, и мне под ноги упал большой конверт. Выглядел он весьма своеобразно: ни почтового адреса, ни марок на нем не оказалось.

Минуты две мы с Анатолием молча смотрели на него, затем одновременно присели, чтобы его поднять. Но, как это часто случается в подобных ситуациях, больно ударились головами.

– Ой, извините, – первой отстранилась я.

– Да ничего, – буркнул в ответ мужчина, не глядя на меня. Все его внимание было приковано к таинственному конверту, который он таки поднял и тут же принялся потрошить. Действия его сопровождались невнятным бормотанием: – Он заявил, что у него проблемы, и попросил посмотреть почту. И больше ничего не успел сказать…

Минуту спустя в руках Анатолия оказался аккуратно свернутый вдвое нелинованный листок. На нем красивым аккуратным почерком было написано несколько предложений.

– Что это?

– Не знаю. – Анатолий сдвинул брови к переносице и сосредоточенно принялся читать. Я пристроилась сбоку, пытаясь сделать то же самое.

Послание было кратким, но уже с первой строки стало понятно, что у сына Анатолия Степановича большие проблемы.

«Меня похитили. Цена моей свободы тридцать тысяч долларов. Это сумму нужно собрать за два дня. Затем дать знак, выставив на балконе горшок с цветком. Только тогда похитители назовут условия обмена. В милицию не сообщай, иначе меня убьют. Отец, они не шутят. Егор».

– Боже мой! – Зубченко побледнел, руки его задрожали, конверт и послание от сына упали на пол.

Я не спешила поддаваться панике:

– А вы уверены, что все это писал именно ваш сын?

– Абсолютно. Я хорошо знаю его почерк.

– Хорошо, тогда ответьте вот на какой вопрос… А он не мог просто разыграть вас? Знаете, в наше время дети нередко разыгрывают свое похищение, чтобы получить от родителей деньги. И это явление весьма распространенное…

Зубченко решительно отверг мою теорию:

– Сын мог бы просто у меня их попросить. Я никогда не отказывал ему в помощи!

– Но такую-то сумму вы вряд ли бы согласились ему презентовать, да еще в столь короткие сроки, – резонно возразила я. – А ведь он мог кому-то ее задолжать, проиграть в карты… Возможно, Егор боится, что вы не одобрите каких-то его действий, поэтому и решился пойти на обман.

Зубченко посмотрел на меня, как на врага народа. Вступать в спор он посчитал ниже своего достоинства. Я вздохнула:

– Понимаю, это ваш сын, но и вы поймите… Он обычный человек, и ему, как всем нам, свойственны пороки… Мелочность, тщеславие, азарт… Люди нередко причиняют боль своим близким, поддавшись чувствам или желаниям. И эти чувства и желания не всегда благородны!

Зубченко оставался непреклонным:

– Я верю своему сыну! Я знаю его лучше, чем вы! Он бы никогда так не сделал… И потом, я слышал его голос по телефону – он был явно напуган. Господи, что же делать?

– Подождите паниковать, нужно сначала все проверить. Где сейчас должен находиться ваш сын?

– У себя в банке, на работе, – немного растерянно ответил мужчина. – Думаете, нужно съездить туда?

В этот момент у меня возникло новое предположение:

– Я думаю, что ваши недоброжелатели могли переключиться на вашего сына, решив заработать на нем деньги, – слегка помедлив, произнесла я. – А вас они именно запугивали, чтобы заранее внушить мысль, что с ними шутки плохи и лучше их не злить.

– Почему я раньше не догадался, что у них на уме. Мне надо было обезопасить жену и сына. Женя, вы должны мне помочь вытащить Егора из лап этих негодяев!

– Вы забываете, я не частный детектив, а телохранитель. Это не мой профиль работы…

Возражала я достаточно слабо, потому что, честно говоря, уже и сама не была уверена в том, каков мой профиль работы.

– Да, но я вам плачу и за такие деньги вправе требовать выполнения своих поручений. От вас ведь не требуется ничего такого, чего вы делать не должны, – все так же будете меня охранять, ну и заодно поможете вытащить моего сына из беды.

Я не стала дальше набивать себе цену:

– Ладно, уговорили!

Уже не в первый раз мне приходилось совмещать обязанности телохранителя с обязанностями сыщика… Такова судьба, наверное! Забота о безопасности клиента рано или поздно все равно заканчивалась расследованием. Чаще всего тогда, когда надоедало вытаскивать клиента из всевозможных заварушек и не терпелось поскорее получить заслуженный гонорар. Так что, собственно, ничего из ряда вон выходящего Зубченко мне не предлагал. А значит, оставалось согласиться…

Уладив вопрос о моем содействии, Анатолий поспешил вернуться в дом и известить обо всем жену. Любаша, конечно же, сильно перепугалась, расстроилась, но в свойственную женщинам истерику не впала. Всего лишь спросила:

– Что вы собираетесь делать?

– Хотим поехать к Егору в банк, узнать, появлялся ли он там сегодня, – бормотал Анатолий, носясь по дому, как ураган, и что-то торопливо пихая в кожаный «дипломат». – Нужно выяснить, когда и как его похитили.

– Я могу поехать с вами? – поинтересовалась Любаша, но супруг ее был настроен весьма категорично:

– Нет, оставайся дома. Вдруг они еще раз позвонят. Нужно, чтобы кто-то сидел на телефоне.

– Ты мне сообщи, как только что-то станет известно, – попросила женщина, умоляюще глядя на супруга.

– Хорошо, я позвоню, – не останавливаясь ни на секунду, откликнулся тот и, видимо, закончив сборы, глянул на меня и спросил: – Вы готовы, Женя?

Я неопределенно развела руками, давая понять, что «все свое ношу с собой».

– Тогда не будем терять времени.

Мы вышли из квартиры. Любовь Андреевна закрыла за нами дверь. Лифтом мы с Анатолием Степановичем решили не пользоваться, спустились по лестнице пешком. Пока спускались, я спросила:

– Сколько денег вы реально можете собрать в столь короткий срок?

Зубченко на минуту приостановился и оглянулся на меня.

– Это на всякий случай, – пояснила я. – Как запасной вариант, если вдруг у нас ничего не выйдет.

– Не говорите так, все должно получиться, – насупился Анатолий. Но на мой вопрос ответа так и не дал. Я не стала настаивать, переключившись на другую тему:

– У вас есть машина?

– У меня нет, есть у жены, – не останавливаясь, ответил заказчик.

– Но вы ее хотя бы водите? – не отступала я, отнюдь не горя желанием задействовать свою машину. Уж очень часто она подвергается всевозможным авариям, а я не миллионер, чтобы каждую неделю ее ремонтировать. Куда как выгоднее пользоваться автомобилем клиента – если что случится, я хотя бы не понесу убытков.

– Нет, не вожу и даже не знаю, как это делается! Знаю только, что, когда повернешь ключ, она должна завестись, – пошутил Зубченко.

Я обреченно вздохнула, прекрасно понимая, что с самого начала Анатолий Степанович планировал воспользоваться именно моим авто, а машину жены даже не брал в расчет. Ладно, я не против, только потом пусть не обижается, когда включу в счет все расходы на амортизацию.

Мы вышли из подъезда. Я быстро пробежалась взглядом по округе, но ничего и никого подозрительного не заметила. Мой «Фольксваген» продолжал стоять на прежнем месте, только вот «Раздолбай-сервиса» поблизости уже не наблюдалось. Я открыла дверцу и предложила Анатолию Степановичу занять место на переднем сиденье. Сама села за руль и повернула ключ зажигания.

– Говорите, куда нужно ехать.

– А вы разве не знаете, где располагается Поволжский банк? – удивился Зубченко.

– Где он располагается, я знаю. Но ведь и филиалов по городу наверняка множество!

– Егор работает в центральном офисе.

– Что ж, так бы сразу и сказали. – Я слегка надавила на педаль газа, и машина плавно тронулась с места.

Мы покинули дворы и выехали на трассу. Анатолий Степанович сидел молча, а его руки безостановочно теребили лежащий на коленях кожаный «дипломат». Нервничает. Я постаралась не смотреть в его сторону, сосредоточившись на дороге. Вот так, молча, мы и добрались до здания Поволжского банка. Он размещался неподалеку от Музейной площади, названной так потому, что на ней сосредоточилась большая часть музеев города: краеведческий, музей имени Радищева и этнографический. Банк занимал весь первый этаж жилой одиннадцатиэтажки. Возле него размещалась небольшая автостоянка. Оглядевшись, я поняла, что ни одного свободного места на стоянке нет и поставить «Фольксваген» мне просто некуда.

– А у Егора была машина? – прикидывая, куда бы припарковаться, полюбопытствовала я.

– Нет. У него очень плохое зрение, поэтому права ему получить так и не удалось. Женя, можно вас попросить?

– Конечно! А в чем дело?

– Не говорите о моем сыне в прошедшем времени. Егор еще жив, и я уверен, что будет жить и дальше.

– Хорошо. Извините, если обидела… Боже, ну что за парковка! – Я почти наполовину высунулась из окна, пытаясь впихнуть свой «Фольксваген» между двумя «Тойотами», раскорячившимися на тротуаре, словно их туда заталкивали силком.

– Вы уверены, что мы сможем выйти из машины? – вглядываясь в оставшееся между автомобилями пространство, засомневался Анатолий Степанович.

– Ну, вроде бы толстых среди нас нет, – натянуто улыбнулась я. – Платить штраф за то, что не там и не так поставила машину, мне что-то не хочется. Так что придется постараться.

Зубченко глубоко вздохнул и, аккуратно приоткрыв дверцу, стал протискиваться наружу. Мне удалось это сделать чуть быстрее: сказывался высокий уровень физической подготовки и частые тренировки по лазанию в совершенно не предназначенных для этого местах. А вот мой клиент, ведущий в основном малоподвижный образ жизни, мучился долго. В конце концов он все же кое-как протиснулся между машинами и облегченно вздохнул.

Я включила сигнализацию, и мы направились к зданию. Прошли через стеклянные двери и оказались в огромном холле. Дальше проход преграждала вертушка, у которой с серьезным видом стоял высокий охранник в черной форме со множеством различных нашивок на плечах и груди. Завидев нас, он спросил:

– В какой отдел?

– Я к сыну, – опередив меня, зачастил Зубченко. – Он работает здесь менеджером.

– Назовите его имя, я его вызову, – поднимая трубку телефона, вежливо предложил охранник.

– Зубченко Егор Анатольевич… Только его сейчас, наверное, нет… По крайней мере, нам так сказали… То есть мы так думаем, потому что его похитили…

Из всей этой сумбурной речи охранник, конечно же, ничего не понял, а потому я поспешила все прояснить сама:

– Понимаете, это отец Егора Анатольевича, служащего у вас менеджером. Не более получаса назад ему сообщили о том, что его сын похищен. Мы бы хотели проверить, так ли это на самом деле.

– А не проще позвонить? – предложил дельную мысль охранник.

Я вопросительно обернулась к Анатолию Степановичу. Тот сначала растерялся, затем спешно закивал и, вытащив из кармана сотовый, набрал номер телефона сына. Не успели в трубке пойти гудки, как он уже засуетился:

– Егор не отвечает. Видите, не снимает трубку.

– Позвоните на мобильный.

– У него нет мобильного. То есть пока нет. В данный момент его аппарат в ремонте.

«Интересно, с какого же телефона Егор звонил домой?» – подумала я.

Охранник устало вздохнул – ему, видимо, часто попадались такие неуравновешенные посетители. С профессиональным спокойствием мужчина принялся набирать номер отдела менеджеров. Когда трубку сняли, он быстро спросил, числится ли в их отделе некий Зубченко, выслушал ответ, что-то уточнил и только после этого повернулся к нам и произнес:

– Можете пройти. Коллеги, оказывается, тоже обеспокоены тем, что он слишком уж долгое время не возвращается в офис и не отзванивается. Правое крыло, кабинет семнадцать.

Поблагодарив мужчину, мы поспешили в кабинет Егора. Почти у самой двери нас встретил один из его коллег, представился и сообщил, что в этом отделе он старший. Этот мужчина полностью отвечал моему представлению о том, как должен выглядеть менеджер. Подтянутый, аккуратно причесанный, тщательно выбритый, он был одет в темные брючки и белую, как первый снег, рубашку. При галстуке. Обувь блестела так, что при желании в ней можно было увидеть свое отражение. На руках я заметила дорогие часы известной фирмы, на безымянном пальце – обручальное кольцо.

Начальник Егора не стал рассматривать нас с Анатолием Степановичем так же пристально. А с ходу перешел к делу. Тон его был взволнованным:

– Охранник сообщил, что ваш сын не появлялся и дома, это правда?

– Нет. То есть я точно не знаю… Понимаете, Егор живет отдельно… Но сегодня утром он позвонил и сказал, что его похитили, а потом мы получили по почте вот этот конверт. – Анатолий Степанович протянул мужчине письмо с требованиями. – Мы не знаем, что и думать, поэтому и решили заехать сюда, узнать, являлся ли он на работу. Надеялись, что вы чем-то сможете нам помочь, считали даже, что вы знаете, где юноша… Я ведь знаю, что Егор – человек ответственный и пропускать работу ни за что не станет…

Пока Зубченко тараторил, менеджер быстро скользнул взглядом по листу, затем изумленно покачал головой и растерянно произнес, обращаясь почему-то ко мне:

– Даже и не знаю, что вам сказать. С утра он был на рабочем месте, около десяти ушел, и с тех пор мы его не видели…

Я решила уточнить подробности:

– А куда он уходил, вы знаете?

– Конечно, ведь самовольные отлучки у нас запрещены. В начале одиннадцатого у него была назначена важная встреча с представителями коммерческой компании.

– Какой еще компании?

– «Инженер-трейк», три дня назад сделавшей нам весьма заманчивое предложение. Они планируют внедрить на своем предприятии пластиковые карты нашего банка, примерно двести тысяч единиц. Егор Анатольевич сегодня отправился туда обсудить данный вопрос и обговорить условия договора.

– А разве представители фирм не являются к вам сами? – заметил некоторое несоответствие Зубченко.

– Да, но в некоторых случаях мы допускаем выезд наших менеджеров в офисы компаний для предварительного знакомства с руководством и работой компании. Ведь на то они и менеджеры, в конце концов, чтобы взаимодействовать с клиентами там, где тем удобно.

– А вы уверены, что такая фирма вообще существует? – нутром чувствуя, что что-то тут все равно не так, спросила я.

– Да, уверен, – мужчина кивнул. – Егор сам проверял, насколько «Инженер-трейк» платежеспособна, потратив на это весь вчерашний день и даже вечер – я точно помню, что вчера он задержался на работе допоздна. А с утра, как и было запланировано, заехал в офис отметиться и сразу отправился на деловое рандеву. Сейчас уже начало первого, а он так и не вернулся и не позвонил.

– У вас есть адрес этой подозрительной фирмы? – поинтересовался Зубченко.

Начальник отдела кивнул и записал координаты фирмы на листке бумаги.

– Если поедете туда, то, пожалуйста, сообщите нам, присутствовал ли Егор на встрече. В противном случае придется направить в компанию другого менеджера. Сами понимаете, мы не можем терять столь многообещающие проекты, что бы ни происходило. А Егора, я уверен, вы обязательно найдете.

– Позвольте, а почему вы сами до сих пор не позвонили в ту фирму и не узнали, прибыл ли ваш представитель? – Анатолий Степанович выжидающе посмотрел на менеджера.

– Мы собирались это сделать, но так и не смогли найти нужного телефонного номера. Все папки с данными Егор Анатольевич, похоже, забрал с собой, – пустился в объяснение работник банка. – А в компьютере данных нет.

– И что, разве без этих папок и компьютера телефон узнать невозможно? – Зубченко, похоже, начинал раздражаться. Он даже перестал выглядеть взволнованным и дрожать как осиновый листок и принял вид весьма решительный и даже угрожающий. Мне это даже нравилось. – Есть справочные службы, телефонные справочники, наконец. Вы тут вообще работаете или черт знает чем занимаетесь?

– Мужчина, не забывайте, где вы находитесь, – нахмурился в ответ на пылкую речь менеджер. – Мы все прекрасно знаем, но у каждого своя работа, и нет времени отвлекаться еще и на чужую. И потом, человек отсутствует всего несколько часов – это еще не повод впадать в панику и трубить о его пропаже. Всякое возможно: он попал в пробку, руководство запоздало, переговоры затянулись. Если бы Егор не вернулся до завтра, то с утра мы бы непременно начали действовать.

– Вы уж извините его, он немного переволновался. – Я попыталась утихомирить обоих. Мужчины уже смотрели друг на друга, как два непримиримых врага, щеки их раскраснелись, а желваки принялись воинственно перекатываться. – Его можно понять, он все же отец.

– Да я понимаю, – кивнул менеджер. – Только и мы тут не просто так сидим.

– Да, да, конечно, вы правы. Большое спасибо за помощь! Если что-то прояснится, мы обязательно вам позвоним.

Кивнув на прощание начальнику, я без лишних слов подхватила своего клиента под руку и выволокла в коридор. Там слегка пристыдила, напомнив о том, как следует себя вести в присутственных местах, и только после этого, успокоившись, направилась к выходу.

Зубченко смог догнать меня только у самых дверей. Я шла достаточно быстро, и Анатолию Степановичу приходилось бежать за мной едва ли не вприпрыжку. Но я все равно не замедляла ход, прекрасно зная, что чем больше удастся выяснить в первый же день, тем проще будет потом докопаться до истины.

– Вы думаете, его перехватили по дороге на эту встречу? – припрыгивая, как солнечный зайчик на стенах коридора, поинтересовался Анатолий Степанович.

– Я ничего не думаю, а просто пока пытаюсь помочь вам собрать информацию. Хотя, на мой взгляд, не помешало бы сообщить о похищении в милицию – и пусть уж там этим занимаются!

Мой клиент возмущенно приподнял брови:

– Но ведь в сообщении же ясно сказано…

Я не дала ему возможности закончить фразу:

– А вы надеялись, что преступники выдадут вам персональное разрешение на привлечение к поискам работников служб правопорядка? Еще ни одному бандиту этого не приходило в голову, а запрет сообщать ментам – обычное правило… Так они пытаются обезопасить себя, хотя редко надеются на то, что кто-то подчинится их требованию. Преступники даже уверены в том, что вы давно отзвонились ментам и теперь ждете результатов. Поверьте мне на слово, я в этом немного разбираюсь.

– Я не могу подвергнуть сына такой опасности, – с минуту подумав, изрек Анатолий Степанович. – Не знаю, насколько серьезные эти люди, но раз им все же удалось заманить

Егора и они его удерживают… Нет, милиция может все испортить. Лучше займу эту сумму, чем так поступлю.

Я решила не вступать в дискуссию:

– Ладно, ваше право, но только не слишком рассчитывайте на то, что нам удастся выйти на этих людей. Я сильно в том сомневаюсь. Так что можете уже начинать сбор денег. Кстати, включите в эту сумму и счет за мои услуги…

– Вы жестоки, Евгения, – насторожился он, бросив на меня осуждающий взгляд.

– Я всего лишь реалистка, не более. К тому же сумма, которую вы должны мне, ничтожна по сравнению с той, что затребовали похитители сына.

– Я готов отдать вам все мои деньги, лишь бы вы помогли спасти сына от неминуемой смерти! – воскликнул отчаявшийся отец.

– Хм, можно поймать вас на слове, но я не настолько эгоистична, как вам показалось на первый взгляд. Я не против помогать вам и дальше, не требуя сверх оговоренной суммы.

Мы вновь забрались в машину, причем без особых усилий, так как место вокруг нее успело освободиться. Теперь наш путь лежал к офису компании «Инженер-трейк».

– Что будете делать, если там вдруг скажут, что Егор к ним не приезжал? – поинтересовалась я, почти уверенная в том, что именно такие известия нам и предстоит услышать.

– Не знаю… – Зубченко бесцельно смотрел в окно, похоже, ничего толком перед собой не видя. – Я даже мысли такой допустить не смею.

– А вот и зря…

Глава 3

Расположенное на пересечении двух улиц, Староарбатской и Миллера, угловое здание в три этажа вмещало под своей крышей массу самых разнообразных крупных и мелких контор. Пройдя через центральный вход, можно было попасть в центр покупки акций, к нотариусу и в отделение газеты «Элеком». Над боковым входом весела вывеска «Сантехника», рядом втиснулась аптека и аудиторская компания «Сервис». Нужный же нам главный офис «Инженер-трейк» размещался во дворике, попасть в который можно было через арку.

Я припарковала «Фольксваген» напротив здания и вышла. Зубченко выскочил за мной и первым направился к подъезду. Мы поднялись по высокой металлической лестнице и попали в офис компании. Небольшая, обитая светлыми панелями комната была сплошь уставлена красивыми керамическими горшками с разнообразными экзотическими растениями.

За высоким столом сидела молоденькая привлекательная девушка с пышными формами, одетая в коротенькое облегающее платье, и слушала музыку через наушники. Кроме секретарши, в помещении никого не было, хотя из-за соседней двери доносился гул голосов.

– Здравствуйте, девушка, – не задерживаясь на пороге, метнулся к ней Анатолий Степанович. – Мы хотели узнать: не приезжал ли к вам сегодня менеджер из Поволжского банка?

– Откуда? – Девица сняла наушники и внимательно посмотрела на незваных гостей.

– Из Поволжского банка, – повторил Зубченко.

– Да нет, вроде не приезжал, – с минуту подумав, ответила она. – Вообще-то я в банк сама езжу, если нужно.

– Но как же! Ведь вы… то есть ваше руководство должны были обговорить с этим менеджером совместный проект по внедрению пластиковых карт. Вчера от вас звонили, а сегодня его к вам направили.

– Раз направили, значит, должен был объявиться, – равнодушно откликнулась девица. – Я не расспрашиваю каждого о цели его визита. Это в компетенции директора.

– А вы можете у него узнать поточнее?

– Могу, только зачем вам это надо? – недоумевала секретарша.

– Это мой сын… Тот менеджер, который должен был сюда приехать. Видите ли, мне необходимо выяснить, приезжал тот молодой человек или нет, потому что он… знаете ли, пропал…

– Ладно, спрошу, – передернула плечами девица, не слишком поддаваясь жалостливому настроению. Она сняла трубку, понажимала на какие-то кнопки и почти сразу произнесла: – Олег Дмитриевич, пришел мужчина и интересуется, не приезжал ли к вам сегодня менеджер из… из какого, вы сказали, банка? – Девица требовательно взглянула на нас.

– Поволжского, Поволжского, – сгорая от нетерпения, дважды повторил Зубченко.

– Да, Поволжского банка. Он вроде собирался обсудить совместный проект, связанный с внедрением карт оплаты. Что им сказать?..

Директор что-то ответил, причем что именно, секретарша нам передать не успела, так как мужчина собственной персоной появился из соседней двери и изумленно уставился на странную делегацию в нашем лице.

– Это вы из банка? – окинув пристальным, несколько холодным взглядом меня и Анатолия Степановича, сухо спросил директор «Инженер-трейка» – высокий мужчина с солидным животиком и маленькой бородкой. Впечатление он производил двоякое: с одной стороны – ленивого человека, с другой – умного и расчетливого, ни за что не упускающего собственной выгоды.

– Мы не из банка, просто хотели… – заторопился было Зубченко, но почему-то запнулся и умолк. Пришлось мне прийти ему на помощь:

– Утром из Поволжского банка к вам направили представителя для обсуждения проекта внедрения банковских карт оплаты. Мы хотим лишь выяснить, был ли он здесь. Парень до сих пор не вернулся на работу, и руководство банка волнуется.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, но точно знаю, что никаких совместных проектов наша фирма с Поволжским или любым другим банком не планировала и не вела. Я всегда в курсе всех событий, и мимо меня такая информация не проскользнула бы.

– Но, может быть, в Поволжский звонил ваш бухгалтер? Или коммерческий директор, или какой-нибудь менеджер… – растерялся Анатолий Степанович.

– У нас нет бухгалтера, и я сам веду всю документацию. К тому же бухгалтера на производстве никакими полномочиями не обладают и вряд ли стали бы вам звонить. То же самое касается менеджеров и всех остальных сотрудников.

– Позвольте, но ведь был же звонок, это подтвердили и там, в банке…

– Я вам повторяю, никаких звонков из нашей фирмы в Поволжский банк не было! У нас в ходу наличный расчет, и в картах оплаты мы не нуждаемся. А если бы и нуждались, то обратились бы в тот банк, с которым уже давно сотрудничаем.

– Я ничего не понимаю, – Зубченко развел руками и ошалело закрутился на месте, как пьяная юла, ища хоть какой-то помощи со стороны. – Такого просто не может быть! Это просто бессмыслица какая-то… Это… У меня не укладывается в голове…

– Успокойтесь, прошу вас, – положив руку на плечо мужчине, утихомиривала я его. Затем повернулась к секретарше и попросила: – Девушка, принесите ему, пожалуйста, воды.

Пока секретарша выполняла мою просьбу, я вновь обратилась к директору, подойдя к нему почти вплотную и пристально глядя в глаза:

– Скажите честно, вы действительно не делали такого звонка?

– Нет, зачем мне вам врать. Какой мне в этом прок?

– Тогда, может быть, кто-то из других ваших сотрудников? Скажите, кто еще, кроме секретарши и вас, здесь работает?

– А вы что, служба контроля, чтобы предоставлять вам такую информацию? – нахмурившись, возмутился директор. – Я вас впервые вижу и знать не желаю, зачем вы сюда заявились. Наверное, пора вызвать охрану и поскорее вас выпроводить.

– Не спешите, я сейчас все объясню! Понимаете, этот человек – отец того менеджера, что утром отправился якобы на встречу с вами. Однако в банк он до сих пор не вернулся и не позвонил. Поэтому мы пытаемся установить, добрался ли он до вашего офиса или же с ним что-то случилось в дороге… А вы заявляете, что никуда не звонили и никаких встреч не назначали.

– Да, именно так и заявляю, – повторил мужчина, продолжая хмуриться.

– И как прикажете это понимать?

– Вот уж не знаю, и это не мои проблемы, – взмахнул руками мужчина. Затем повернулся к двери и на прощание бросил: – Лидочка, проводите этих людей к выходу и больше не беспокойте меня подобными глупостями.

– Погодите, но мы же…

Мне не дали закончить. Олег Дмитриевич снова окинул меня суровым взглядом и раздраженно повысил голос:

– Если не удалитесь сами, я вызову охрану!

– Хорошо, мы уходим. – Я подхватила возмущенного Зубченко и, выведя его на улицу, произнесла: – Думаю, что директор действительно ничего не знает.

– С чего вы это взяли? А может, он врет? Скрывает, что заманил моего сына в ловушку, лишь бы его никто не заподозрил.

– Если бы директор был причастен к похищению или хотя бы знал о нем, он повел бы себя совершенно иначе, – возразила я. – Ему достаточно было просто сказать, что ваш сын до

их офиса, видимо, не доехал или побывал, но уже уехал… А директор утверждает, что никуда не звонил и никаких встреч не назначал.

– Но такого не бывает! Сотрудники банка ведь не могли придумать эту встречу? Или сам Егор… – Анатолий Степанович не желал соглашаться со мной. – Кто-то же ведь моему сыну звонил!

– Согласна. И даже предполагаю, что звонили сами похитители. Им ведь ничего не стоило назваться хоть самим президентом России, лишь бы выманить Егора на встречу. Что им стоило представиться директором или бухгалтером «Инженер-трейка»? Скорее всего, именно так и произошло…

Зубченко молчал, и я продолжила развивать свои мысли вслух:

– Преступники выбрали место для похищения. Затем узнали номер рабочего телефона вашего сына, позвонили ему и предложили выгодную сделку. Лжебухгалтеры мастерски исполнили свои роли, а затем, настигнув Егора на полпути к офису, захватили его.

– Если все происходило так, как вы говорите, – Зубченко задумчиво почесал подбородок, – значит, бандиты хорошо знали в лицо моего сына.

– Естественно, – усмехнулась я. – Похитители всегда хорошо знают своих жертв, даже если ранее никогда не встречались с ними. Перед похищением за жертвой ведется слежка, изучаются фотографии. Исполнители могли и не знать Егора лично, хотя это тоже не исключено, а вот заказчик, вероятно, был знаком с Егором… Или с кем-то из членов семьи, то есть с вами или с вашей супругой… Так что вам стоит хорошенько покопаться в своей памяти и вспомнить всех своих, даже давнишних, недоброжелателей.

Зубченко проигнорировал мой совет и не стал долго раздумывать:

– У меня таких нет.

– Не верю, – возразила я. – У каждого человека есть враги или хотя бы недруги. Всеобщих любимцев не существует. Уж поверьте мне…

– Но я правда не знаю, кто бы это мог быть!

– Вы просто не хотите об этом задуматься. Или, скорее всего, не хотите себе в том признаться… Что ж, тем хуже, а ведь могли бы облегчить поиски.

Упрямый Зубченко наконец сдался:

– Ладно, я обещаю попробовать, но не уверен, что это даст какой-то результат. Я совершенно неконфликтный человек.

– Хотя бы попытайтесь…

Я направилась к машине. И вдруг, случайно скользнув взглядом по расположенному напротив зданию, замерла на месте…

Зубченко заметил, что я остановилась, и негромко спросил:

– Что-то задумали?

– Нет, увидела, – указав рукой в сторону близлежащего магазина, ответила я. – Жаль, что у вас нет фотографии Егора, могли бы поинтересоваться вон у того охранника, не встречал ли он здесь вашего сына. Заодно проверили бы, наврал нам директор или нет.

– Подождите, но у меня же есть его фотография! Я, когда собирался, на всякий случай сунул парочку в чемодан.

– Тогда что же вы стоите, давайте их сюда! – обрадовалась я.

Анатолий Степанович торопливо передал мне снимки. Я заспешила к скучающему на крылечке с сигаретой в руке охраннику – молодому пареньку лет двадцати, на редкость лохматому и взъерошенному.

– Добрый день, – поприветствовала я его, приблизившись. – Можно вас кое о чем спросить?

– Спрашивайте, – кивнул парень.

– Вот. – Я протянула один из снимков. – Мы ищем этого парня. Вы случайно не встречали его сегодня во дворе? Он должен был подойти вон к тому зданию, там располагается офис одной фирмы…

– Так там бы и спросили, – без всякого интереса глянув на фото, отмахнулся паренек. – Я за день столько народу вижу, всех и не упомнишь. Больно мне нужно всех рассматривать.

– А вы все же посмотрите повнимательнее, – настаивала на своем я. – Может, вспомните его.

– Да че толку смотреть, я и так знаю, что не видел.

Поняв, что разговор с охранником не принесет никакой пользы, я расстроилась.

– Ладно, извините…

Пришлось вернуться к ожидающему меня у машины Анатолию Степановичу. Тот все понял по моему лицу и даже не стал ни о чем спрашивать.

Мы молча сели в салон «Фольксвагена», затем я повернула ключ зажигания и спросила:

– Куда теперь?

– Наверное, домой. Буду обзванивать друзей и знакомых, – обреченно вздохнул мой клиент. – Может, кто-нибудь согласится дать взаймы крупную сумму денег…

Я надавила на педаль газа и стала выводить машину из дворика. Как назло, мне навстречу приближался другой автомобиль, так что пришлось сдать назад и немного подождать.

– Женя, Женя! – подпрыгнув на сиденье, заорал во все горло Зубченко.

От неожиданности я едва не задела бампером дерево позади нас. Заглушив мотор, повернулась к клиенту.

– Посмотрите туда. – Анатолий Степанович указал рукой куда-то вперед. Я скользнула взглядом по округе, но ничего такого, чему бы стоило так радоваться, не заметила.

– Я ничего не вижу, – растерянно развела я руками. – Объясните, что вызвало у вас такой восторг?

– Ну как же, камера! Вон там, видите, в витрине магазина!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.